

И почему мы с таким суеверным страхом ждем конца века? Он давно завершился. Мы давно существуем в другой эпохе. Это особенно остро чувствуешь, читая о 50-х, 60-х годах. Не входя в детали, приведу лишь одно доказательство. Попробуйте сегодня без риска для жизни и репутации сказать, что ваш девиз — "Дружба! Верность! Честь!" или, что вы написали повесть "о боли и тревоге за мир, о любви, о красоте и гибели и о многом другом". Даже читать все это как-то неловко, а уж писать... "Приезжайте к нам! — кричит человек провожающим его друзьям, стоя на подножке поезда, уходящего из Ленинграда в Москву. — У нас пьют, читают стихи и разговаривают".

Вряд ли кто-нибудь решит, что дело происходит сегодня. И не только потому, что упомянут несуществующий ныне Ленинград, но и потому, что перечислены занятия, из коих лишь одно никогда в нашем отечестве не устаре-

вает, — "пьют". Все остальное принадлежит прошлому. Нет, сегодня тоже, конечно, разговаривают. Но человек, стоящий на подножке поезда, имел в виду нечто большее, чем застольный треп или, выражаясь более современно, стеб. "Кто еще умел так ценить золото человеческого общения, как Драгунский?" — восклицает Юрий Нагибин в своих воспоминаниях.

Да, речь идет именно о нем — о замечательном детском писателе Викторе Драгунском. И о посвященной ему книге его жены Аллы Драгунской, в которую помимо ее собственных воспоминаний, вошли воспоминания друзей писателя, его рассказы и письма, отрывки из них я цитировала в начале заметок. (Алла Драгунская, "О Викторе Драгунском. Жизнь, творчество, воспоминания друзей", ТОО "Химия и жизнь", Москва, 1999). Это он, Виктор Драгунский, стоя на подножке поезда, приглашал своих друзей "на стихи". Это он

«Жду от Вас новой

Экран и сцена. — 2000. — февр. (№ 4). — с. 4

не боялся быть сентиментальным, растроганным, наивным и даже патетичным.

"Сегодня и ежедневно идет представление на выпуклом манеже земли и не нужно мрачных военных интермедий! Дети любят смеяться, и мы должны защищать детей! Пусть сегодня и ежедневно вернется эта удивительная кавалькада радости, труда и счастья жизни".

Прочитав эти строки из повести Драгунского, я вдруг поняла, что у меня острый авитаминоз, что сегодня и ежедневно мне недостает в окружающей среде необходимых для жизни веществ. Каких? Да тех же, что и вам, — доброты, веселья, радости. Но разве год 48-й, когда Драгунский создал свой знаменитый театр пародий "Синяя птичка", был добрым и веселым? Разве год 50-й, когда в разгар борь-

бы с космополитизмом "Птичку" придушили, был веселей?

Не было у нас благоприятных для жизни годов, но были люди, делающие жизнь не только выносимой, но даже временами радостной и почти счастливой. Один из них — Виктор Драгунский, человек-оркестр, сменивший в жизни множество занятий и преуспевший в каждом. Родился он в Нью-Йорке, куда его совсем юные родители бежали из Белоруссии от еврейских погромов. Не прижившись в Америке, они вернулись с крошечным сыном в Гомель за два месяца до Первой мировой войны. Мальчик рано лишился отца. В 22-м году, когда его отчимом стал актер Михал Рубин, семья начала вести кочевую жизнь, разъезжая с театром по юго-западу России.

Мальчик много чему нау-

чился за два года кочевья: декламировать куплеты, бить чечетку, пародировать актеров. Он имел замечательную память, был от природы артистичен и обладал неподражаемым чувством юмора. Ничего удивительного, что, перепробовав множество профессий, побывав и токарем на заводе, и шорником на фабрике "Спорттуризм", Драгунский стал актером московского театра Сатиры. Искрометный, открытый, отзывчивый, он всегда был окружен друзьями, которые в нем души не чаяли. За свою жизнь он сменил немало адресов. В начале 50-х его даже пытались выселить из Москвы, мстя ему за отказ "поработать" осведомителем. Но в какой бы тесноте он ни жил, на каких бы жалких метрах ни ютился, у него всегда собирались друзья — актеры, поэты, драматурги, художники.

Воспоминания некоторых из них приводит в своей интереснейшей книге Алла Драгунская.

Народный артист РСФСР Николай Рыкунин вспоминает, как в 41-м году Виктор Драгунский, попавший на фронт из-за астмы, ушел в ополчение, как, голодный, измученный и оборванный, он вернулся из ополчения прямо в театр, как позже они выезжали в воинские части, давали концерты в госпиталях, гастролировали по Сибири и Дальнему Востоку, как Виктор писал стихи и песни, и они немедленно входили в репертуар актеров.

И вдруг — неожиданный вираж: в 44-м году Драгунский бросает театр и уходит в цирк работать на манеже рыжим клоуном. И снова выезды на передовую, работа на лафетах, выступления по ночам. "У него была удивительная

пластика, кошачья пластика", — вспоминает Наталья Дурова, которая была в то время ребенком. — Он спасал нас, детей, от напраслины и окрика. Он умел снять напряжение и внести какое-то равновесие. Я его обожала!" О цирке, о дружбе с семейством Дуровых Драгунский написал в своей повести "Сегодня и ежедневно": "Я терпеть не могу такие номера, где клоуна бьют молотком по голове или разбивают о его лоб сырые яйца. Люди должны не жалеть меня, а гордиться мною. Они должны любить меня так, как они любят солдата из наших рядов, который сумел сварить суп из топорика".

Он и был смекалистым героем страшной и прекрасной сказки под названием "Жизнь". Он и был тем солдатом, который, имея под руками ничего другого, сумел сварить вкуснейшую кашу из топора и накормить сразу мно-

своей радости»

гих. Такой полубившейся всем "кашей", оказался созданный Драгунским в конце 40-х упомянутый выше уникальный театр "Синяя птичка", в нем играли как прославленные, так и совсем молодые актеры театра и кино.

Вначале тексты спектаклей писали Виктор Драгунский и его друг Людмила Давидович. Позже к ним присоединились известные сатирики Дыховичный, Слободской, Костюковский, Бахнов, Привалов и даже искусствовед Александр Каменский. "Успех был ошеломляющий, — вспоминает Давидович, — толпы осаждали Дом актера ВТО, где "Птичка" шла пристанище благодаря директору Дома Александру Моисеевичу Эскину. Все хотели видеть, над чем смеются и что изображают: ведь время такое, что не до смеха было!"

Все помнили постановление о журналах "Звезда" и "Ленинград", когда были оплеваны и фактически

уничтожены писатели Анна Ахматова и Михаил Зощенко. И вдруг, как глоток свежего воздуха, театр литературных и театральных пародий в самом центре Москвы рядом с Пушкинской площадью. Там смеялись над тем, над чем не принято было смеяться в то суровое время, задевались имена, которых боялись касаться". Кто только ни играл в "Синей птичке": Борис Тенин, Всеволод Санаев, Лидия Сухаревская, Борис Сичкин, Сергей Мартинсон, Евгений Весник, Зиновий Гердт, совсем молодые Ролан Быков и Юрий Яковлев и многие, многие другие.

"Как же так? — спросите вы. — Вначале сообщили, что Драгунский известный писатель, а потом принялись рассказывать о его работе в театре и в цирке". Но в том-то и феномене Драгунского как писателя, что писательству он посвящал всего лишь двенадцать лет своей и без того короткой (1913 — 1972)

жизни. Как я уже говорила, Виктор Драгунский был человеком абсолютно внутренне свободным и непререкаемым. Он не терпел инерции и застоя. "Это было где-то в конце 50-х годов, — вспоминает драматург Леонид Зорин. — Ему казалось, что жизнь надо кардинальным образом менять, должен был совершиться какой-то важный поворот. Он сидел на довольно холодной подмосковной даче зимой и в этом довольно мрачном состоянии написал тринадцать детских рассказов. Эти первые тринадцать "Денискиных рассказов" обеспокоили его триумфальное вхождение в литературу. Оно у него состоялось".

У этого талантливого, веселого и грустного человека все состоялось. Он состоялся как актер, как создатель уникального театра, как любимый детский писатель, как любимый и любящий муж, как замечательный отец сыновей Леонида и Дениса,

дочери Ксюши. У него состоялась счастливая жизнь, которая, к великому сожалению, оказалась недолгой. Последние его годы были мучительными. Болезнь не отпускала. Когда она ненадолго отступала, к нему возвращались его прежняя энергия и жизненное любопытство. Он снова пытался писать или хотя бы диктовать отдельные главы давно задуманной автобиографической повести. "Дай Бог прожить еще минут двадцать и написать несколько книжек, а там — до свидания, друзья, не поминайте лихом, а впрочем, поминайте, кто-нибудь обязательно помянет добром", — писал он в одном из писем. Добром поминали многие. Наверное, все, кто его знал. Он жил окруженный любовью друзей, близких, своих маленьких читателей. "Он был подарком, праздником", — говорили о нем. "Жду от Вас новой своей радости", — писала ему ученица 3 класса "девочка из своего города" Лариса Цаплина.

"Я люблю посмеяться. Иногда мне нисколько не хочется смеяться, но я себя заставляю, выдавли-

ваю из себя смех, смотришь, через пять минут и вправду становится смешно, и я прямо кисну от смеха", — признается Дениска в рассказе "Что я люблю". Судьба распорядилась так, что в конце жизни у веселого человека Виктора Драгунского почти не осталось причин для смеха. И тем не менее даже в одном из последних писем, в котором, как будто бы нет ничего, кроме тоски и отчаяния, проскальзывает, пусть грустная, но усмешка: "Так сходят с ума лучшие люди". Это уже улыбка почти ОТТУДА.

Виктор Драгунский был настолько жизнелюбив, что, смерть его, несмотря на давность случившегося, кажется нелепой ошибкой. А может, раз он ТАМ, то ТАМ сегодня веселее, чем здесь. Вот он вернется, и мы зададим ему вопрос, который друзья и близкие задали Дениске в конце рассказа "Двадцать лет под кроватью": "Где ты был, что с тобой приключилось? Рассказывай!"

Лариса МИЛЛЕР